

Содержание

«...Все и всегда были влюблены»	3
<i>Предисловие</i>	
«Невозможное счастье»	5
АЛЕКСАНДР БЛОК	
«Не осуди мое молчанье»	21
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ	
«И снова ты»	35
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ	
«Мной совершенное так мало!»	45
ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ	
«„Все заживает“, — мне люди сказали...»	63
МАРИНА ЦВЕТАЕВА	
«...Рассказать, чем сердце жило...»	81
ФЁДОР СОЛОГУБ	
«Не потому, что от Нее светло, а потому, что с Ней не надо света»	87
ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ	
«Сады моей души»	95
НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ	
«Слава тебе, безысходная боль!»	105
АННА АХМАТОВА	
«Заблудился я в небе — что делать?»	117
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ	

«К ее рукам, как бумеранг»	131
БОРИС ПАСТЕРНАК	
«Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг»	145
ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ	
«Жизнь моя, иль ты приснилась мне»	157
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН	
«По пустынным аллеям неслышно пройду»	169
ГЕОРГИЙ ИВАНОВ	
«Я маленькая поэтесса с огромным бантом»	181
ИРИНА ОДОЕВЦЕВА	
«Как же нет Любви?»	193
ИВАН БУНИН	
«Мне нужно то, чего нет на свете»	215
ЗИНАИДА ГИППИУС	
«Люблю иль нет — легка мне безнадежность»	231
ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ	
«Мы — две руки единого креста»	243
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ	
«Ананасы в шампанском»	255
ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН	
«Я буду ждать тебя мучительно»	269
КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ	
«Описать ее фигуру — надо б красок сорок ведер...»	287
САША ЧЁРНЫЙ	
«В этом крике — жажда бури!»	297
МАКСИМ ГОРЬКИЙ	

Не знаю, хочешь ли ты радости,
Уста к устам, прильнуть ко мне,
Но я не знаю высшей сладости,
Как быть с тобой наедине.
Не знаю, смерть ли ты нежданная
Иль нерожденная звезда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

Константин Бальмонт

«...Все и всегда были влюблены»

Поэты Серебряного века... Кто были эти люди, большинству из которых пришлось покинуть Россию после революции? В России у них было все, а в эмиграции часто приходилось жить в бедности, страдая от внутренних метаний и реальных болезней. Несмотря на это, писатели и поэты Серебряного века жили в любви, дышали любовью. Их сложные взаимоотношения не позволяли заглушить самое важное — способность чувствовать, ощущать мир таким противоречивым, какой он есть... Читая о любовных треугольниках, в какой-то момент становится жутко от одной мысли, что человек одновременно может испытать столько неоднозначных эмоций, оставаясь при этом личностью.

«Спасает ли человека культура?» — был главный вопрос и творчества, и выживания. Поэты и писатели того времени ощущали себя «последними в ряду», теми, на ком «культура» в какой-то момент «замрет». Это были герои своего времени, известные не только в узком кругу, но во всем мире. О них говорили, писали, им подражали. До сих пор личность каждого поэта, как и стихи, оживает не только в воспоминаниях, книгах и современных пьесах, но и в общем настроении, образе жизни... Несколько «боязно» читать, а особенно писать о личной жизни. Возможно, именно о ней и стоит молчать? «Правда о чувствах» — где она? В стихах, в архивных материалах, личных письмах (сохраненных или сожженных)? Фантом... Тайна этих людей, их стихов и любви так и останется тайной, к которой возможно приблизиться, не подходя вплотную...

Александр Блок

1880-1921

«Невозможное счастье»

«Я встретил впервые Блока весной 1907 года в Петербурге. Высокий лоб, слегка выующиеся волосы, прозрачные, холодноватые глаза и общий облик — юноши, пажа, поэта. Носил он низкие отложные воротнички, шею показывал открыто — и это ему шло. Стихи читал со своим оттенком, чуть гнуся и от слушающих себя отделяя — холодком. Сам же себе туманил, как бы хмелел», — писал о поэте Александре Блоке Борис Зайцев (писатель и переводчик).

Александр Блок родился 16 (28) ноября 1880 года в Петербурге. С самого рождения его окружали бабушка, прабабушка, тетки, няни... Безграничное обожание. Друзья утверждали, что дорожке матери он не знал никого: узы, соединявшие их, никогда не рвались, как и взаимная заботливость, а порой беспокойство. Для Блока отношение к каждой женщине было отголоском той «незащищенности» и юношеской нежности, которая так естественно выражалась в детском стихотворении, написанном в пять лет:

Зая серый, зая милый,
Я тебя люблю.
Для тебя-то в огороде
Я капустку и коплю, —

а спустя годы, возможно, привело к ощущению ра-
нимости и опустошенности.

В 1897 году Блоку исполнилось семнадцать, он отправился с матерью в Бад-Наугейм, водный курорт в Германии. Александр был очень хорош собой, задумчив и молчалив, несколько старомоден. Ему, кстати, никогда не была свойственна любознательность, жажда знаний. Его мало увлекали чужие мысли — скорее собственные чувства. В Германии он познакомился с Ксенией Садонской, замужней красивой женщиной. В приятной обстановке светского курорта он пережил свою первую любовь. Однако юношеские стихи Блока — часто банальные, слишком мечтательные. И только к 1898 году он открыл для себя поэзию Владимира Соловьева, неразрывно связанную с образом Вечной Женственности.

Ко времени своей встречи с Любовью Менделеевой (дочерью знаменитого ученого-химика Дмитрия Ивановича Менделеева) Блок был сильно увлечен мистическими учениями. Однажды, будучи в состоянии, близком к трансу, он увидел на улице ее, шедшую от Андреевской площади. Блок направился вслед за ней, стараясь оставаться незамеченным. Потом он описал эту прогулку в зашифрованном стихотворении «Пять изгибов сокровенных» — о пяти улицах Васильевского острова, по которым она шла. Потом еще одна случайная встреча — на балконе Малого театра. Для любого мистика совпадения не являются просто случайностью, они — проявление божественной воли. В ту

зиму Блок бродил по Петербургу в поисках великой любви.

Реальный образ любимой девушки был им идеализирован и слился с соловьевским представлением о Вечной Женственности. Это проявилось в его произведениях, собранных потом в сборник «Стихи о Прекрасной Даме». Такое слияние земного и божественного в любви к женщине не было изобретением поэта — и до него существовали трубадуры, Данте, Петрарка, немецкий романтик Новалис. Но только Блоку удалось действительно соединиться со своей возлюбленной — и на своем опыте понять, к какой трагедии это может привести.

Сама Любовь Дмитриевна, в отличие от своего идеализированного образа, была человеком трезвым и уравновешенным. Поговаривали даже, что она была хоть и красивой, но «слишком заурядной». Она так и осталась чужда мистике и отвлеченным рассуждениям и по своему складу характера была абсолютной противоположностью мятущемуся Блоку. Когда тот пытался привить ей свои понятия о «несказанном», могла хладнокровно заметить: «Пожалуйста, без мистики!» (О любимом слове поэта не могла умолчать и известная поэтесса, умная, едкая Зинаида Гиппиус: «Хотелось притянуть „несказанное“ за уши и поставить его на землю!») В общем, Блок оказался в досадном положении: Любовь Дмитриевна, та, кого он сделал героиней своей мифологии, отказывалась от предназначенной ей роли. Так продолжалось до ноября 1902 года.

В ночь с 7 на 8 ноября курсистки устраивали в зале Дворянского собрания благотворительный бал. Любовь Дмитриевна пришла с двумя подругами, в парижском голубом платье. Как только Блок появился в зале, он не раздумывая направился к тому месту, где она сидела. После бала он сделал ей предложение.

В Главном здании университета на Менделеевской линии и поныне располагается небольшая университетская церковь. Здесь обручился Александр Блок. Молодой поэт с детства жил в ректорском домике, а когда решил жениться, писал прошение на имя ректора, своего дедушки: «Честь имею покорнейше просить ваше превосходительство о разрешении мне вступить в брак с Любовью Менделеевой. Студент второго курса историко-филологического факультета Александр Блок».

В январе 1904 года, через полгода после свадьбы, молодые супруги переехали в Москву. Всем они казались дружной парой. Однажды изящная юная дама и кудрявый молодой человек с «крепко стянутой талией» позвонили в дверь квартиры, где жил поэт Андрей Белый с матерью. Истинный петербуржец, светский, несколько заторможенный Блок был введен в гостиную, где, ненужно суетясь, подпрыгивая, весь изгибаясь, то вырастая, то на глазах уменьшаясь, их шумно приветствовал Белый. После целого года постоянной переписки, двух лет, в течение которых они обменивались стихами, поэты сразу же стали ближайшими друзьями, духовными «братьями». По старинному обы-

чаю, они даже обменялись рубашками, и теперь Белый расхаживал в расшитой лебедями красивой сорочке, которую Любовь Дмитриевна вышила для мужа. Она же оказалась центром обоюдного внимания. В малейших ее поступках оба друга усматривали пророческий смысл. Была ли она сегодня в красном? Сменила ли прическу? Вообще, в Любовь Дмитриевну влюблялись все поэты, поддерживая культ Вечной Женственности и того образа, который Блок создал собственными стихами.

Андрей Белый отличался редкой непосредственностью. Просто и трезво он признавался в собственных грехах, осознавал свою главную слабость — неумение сказать «да» или «нет». А также торопился признаться Блоку в своих чувствах к Любови Дмитриевне. Атмосфера сгущалась. Гармония нарушилась, но дружба не распалась. Прошло лето. Перед отъездом Андрей Белый с бесконечными объяснениями изливал душу. Все, что мог посоветовать Блок, — поскорее покончить с влюбленностью. Так считала и Любовь Дмитриевна. Белый пообещал.

А Блоку уже было двадцать шесть лет. В его письмах, стихах, статьях сквозила постоянная тоска. Невзрачные шахматовские пейзажи, грязные перекрестки Петербурга служили щемящим фоном его новым стихам. В этом угаре он встретил другую женщину, Незнакомку, — на сей раз доступную, которую каждый мог видеть, прикасаться, любить. Блок не на шутку увлекся Натальей Волоховой, актрисой театра Мейерхольда.

«Снежная маска» и «Фаина» — стихи, посвященные ей.

Блок вновь и вновь увлечен. О своих женщинах он откровенно, даже в чем-то по-детски, писал матери: «Мама... я провел необычайную ночь с очень красивой женщиной... Я же, после перипетий, очутился в 4 часа ночи в какой-то гостинице с этой женщиной, а домой вернулся в девятом». С 1906 года Блок часто посещал «субботы» в театре Комиссаржевской, а Любовь Дмитриевна получила ангажемент, выступала с частью труппы в провинции. Блок написал «Балаганчик», свою первую пьесу, в которой Прекрасная Дама уже сделана из картона, а печальный Пьеро ждет свою Коломбину, которую отнимает у него Арлекин. Теперь Блок и Любовь Дмитриевна жили «каждый своей особой жизнью». Вечера встреч в их доме, однако, продолжались, но уже были лишены прежнего очарования. Блок часто оказывался рассеян, нередко пьян, посещения Белого его не радовали, семейная жизнь разладилась. Любовь Дмитриевна признавалась Белому, что «много перенесла в предыдущем году, и что не знает сама, как уцелела». Блок же с горечью говорил о том, что «они перешли рубикон». Презируя старомодные условности, Любовь Дмитриевна и Наталья Волохова отлично ладили между собой, даже откровенно признавались, что они хорошие подруги. Провинциальному москвичу Белому это совершенно не нравилось, он считал, что Блок превратил свою жизнь в театр. Белый и Блок часто ссорились, 1906—1907 годы — время

постоянных разладов и примирений, Белый однажды даже вызвал друга на дуэль, затем потребовал объяснений, чтобы простить и получить прощение.

Озерки... Озерки — один из исторических районов Петербурга и поныне, сейчас весьма благоустроенный, с одноименной станцией метро. Но в начале XX века в этом месте располагался лишь скромный дачный поселок, где не было даже железнодорожной станции. А между тем именно здесь часто прогуливался Александр Блок. Из письма поэта, написанного летом 1911 года: «Вдруг увидел афишу в Озерках: цыганский концерт. Почувствовал, что здесь — судьба... — я остался в Озерках. И действительно, они пели, бог знает что, совершенно разодрали сердце; а ночью в Петербурге под проливным дождем на платформе та цыганка, в которой, собственно, и было все дело, дала мне поцеловать руку — смуглую, с длинными пальцами — всю в броне из колючих колец. Потом я шатался на улице, припелся мокрый в „Аквариум“, куда они поехали петь, посмотрел в глаза цыганке и поплелся домой».

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в серебре смуглые руки
Обвились...

Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!

В России век девятнадцатый стал веком трагических судеб, а двадцатый — веком самоубийств и преждевременных смертей. Нет среди русских поэтов спокойных лиц. Кто умер от разрыва сердца, кто от пули.

Кондратий Рылеев был повешен. На пороге смерти в семидесятилетнем возрасте Афанасий Фет пытался распороть себе живот. Аполлон Григорьев погиб от нищеты и пьянства. По словам Нины Берберовой, «пьянство Блока разительно отличалось от григорьевского. Григорьев пил горькую, чтобы забыть свою бедность. У Блока же голова всегда оставалась ясной. Его разрушало не вино, а отчаяние. В его стихах, письмах, статьях, дневниках и даже фотографиях сквозит постоянно нарастающая, смертная, неотступная тоска, словно все двадцать четыре года его жизни были постоянным душевным надрывом. Смолк его смех, исчезла и улыбка».

Символизм, как и другие направления в поэзии и литературе начала XX века, создавал новую модель жизни и культуры, но «парадокс заключался в том, что эта же культура свидетельствовала о погружении века во тьму». Поэты страдали, ощущая гибель, при этом принимали гибель, как и трагическое ощущение себя «последними в ряду». По словам Блока, «был человек — и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка». Возможно, это объяснялось и тем, о чем Анна Ахматова написала в стихах 1911 года «Я пришла сюда, бездельница...». «Тайномудрое безделье», грандиозное метафизическое безде-

лье — обратная сторона поэзии. Впрочем, разве не является подобное признание себя поэтами отчаянным криком о себе самих, самоотверженно принесших себя в жертву своему искусству? Задача, которая ставилась символистами, грандиозна по своим масштабам — не только привнести новое направление в стихосложении, а изобрести систему символов, которая бы воссоздавала действительность не словами, а мифами, обращалась к религии, искала смыслы в иных сферах.

Любовь Дмитриевна все больше времени проводила на гастролях. В редкие свободные дни она приезжала в Петербург, где ее ждал муж. Он готовился, покупал цветы, «наводил порядок в своей душе». Его жена появлялась оживленная, до ночи они болтали, весело ужинали. Но иногда он ждал напрасно. «В моей жизни все время происходит что-то бесконечно тяжелое. Люба опять обманывает меня», — писал в это время Блок. В годы ее отсутствия он часто бывал в Театре музыкальной драмы. Здесь он познакомился с Любовью Дельмас. Высокая, худощавая, с рыжими волосами, зелеными глазами, необыкновенной осанкой. Блок влюбился в нее с первого взгляда, посвятил певице «Кармен» — одну из частей третьей книги стихотворений. Эта любовь была непохожа на прежние увлечения Блока. Если с Натальей Волоховой — цыгане, безумства, музыка, разрыв (они разошлись, даже не попрощавшись), то теперь вместо безумных страстей — преданная дружба, мирные прогулки, тихие вечера.